

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-73-86

УДК 316.3 (316.022)

ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ РУССКО-УКРАИНСКИМИ БИЭТНОРАМИ В РОССИИ НАКАНУНЕ 2022 ГОДА: РОССИЙСКИЙ vs УКРАИНСКИЙ НАРРАТИВ¹

Бубликов Василий Валерьевич

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия
v.bublikov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются данные социологического исследования, выполненного среди русско-украинских биэтноров в России в 2021 г., об их исторических представлениях (оценке ключевых персоналий истории России и Украины) и представлениях об ответственности тех или иных сторон в российско-украинском конфликте, начавшемся в 2014 г. Результаты показывают, что подавляющее большинство биэтноров следуют в русле российского исторического нарратива, проукраинские исторические взгляды имеют лишь около 14% опрошенных. При этом их взгляды на историю отнюдь не всегда коррелируют с оценкой российско-украинского конфликта. От четверти до трети респондентов дает не совсем логичные ответы, т.е., например, положительно оценивает роль Екатерины II и Сталина – и обвиняет в конфликте в том числе и Россию, а опрошенные, называющие положительными личностями Мазепу и Бандеру, нередко обвиняют в конфликте страны Запада и отчасти Украину. Это свидетельствует о высоком уровне неопределенности в исторических и политических представлениях российско-украинских биэтноров, их, как правило, поверхностном знании истории России и особенно Украины.

Ключевые слова: биэтноры, историческая память, исторический нарратив, биэтническая идентичность, русские, украинцы, российско-украинский конфликт.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

PERCEPTION OF HISTORY AND MODERN POLICY BY RUSSIAN-UKRAINIAN BIETHNORS IN RUSSIA ON THE EVE OF 2022: RUSSIAN vs UKRAINIAN NARRATIVE

Bublikov Vasily V.

Belgorod State University

Belgorod, Russia

v.bublikov@mail.ru

Abstract. The article discusses the data of a sociological study carried out among respondents with dual Russian-Ukrainian ethnicity in Russia in 2021, about their historical ideas (assessment of key personalities in the history of Russia and Ukraine) and ideas about the responsibility in the Russian-Ukrainian conflict that began in 2014. The results show that the vast majority of bi-ethnics follow the Russian historical narrative, while only about 14% of respondents have pro-Ukrainian historical views. At the same time, their views on history do not always correlate with their assessment of the Russian-Ukrainian conflict. From a quarter to a third of respondents give not entirely logical answers, i.e., for example, they positively assess Catherine II and Stalin, and blame Russia for the conflict, and those surveyed who call Mazepa and Bandera positive personalities are often blamed for the conflict Western countries and partly Ukraine. This indicates a high level of uncertainty in the historical and political views of the Russian-Ukrainian bi-ethnics, their usually superficial knowledge of the history of Russia and especially Ukraine.

Keywords: bi-ethnics, historical memory, historical narrative, dual ethnic identity, Russians, Ukrainians, Russian-Ukrainian conflict.

Цитирование: Бубликов В.В. Восприятие истории и современной политики русско-украинскими биэтнорами в России накануне 2022 года: российский vs украинский нарратив // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 73–86. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-73-86 / Bublikov V.V. Perception of History and Modern Policy by Russian-Ukrainian Biethnors in Russia on the Eve of 2022: Russian vs Ukrainian Narrative, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 73–86. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-73-86.

© Бубликов В.В., 2023

Историческая память, совокупность представлений об общей истории, в этнологии традиционно считается одним из базовых оснований этнической идентичности – пожалуй, даже более важным, чем язык или культурные практики. Как пишет Е.А. Протасеня: «Историческая память, воспоминания о героях, знаковых событиях объединяет людей, формирует чувство сопричастности к истории своего народа, способствует сохранению связей между поколениями» [Протасеня, 2016, с. 176–177]. Еще выше оценивает роль исторической памяти В.А. Тишков: «без истории нет и самой идентичности, если понимать под последней чувство сопричастности с той или иной общностью, культурой, ценностью» [Тишков, 2018, с. 6].

Вместе с этим отсутствие консенсуса о базовом пантеоне положительных и отрицательных героев национальной истории, безусловно, не является свидетельством отсутствия этнического сообщества как такового. Ведь, например, среди русских или испанцев (кастильцев) нет доминирующего взгляда на события гражданских войн (в России и Испании соответственно), но это же не значит, что нет этнических общностей русских и испанцев (кастильцев)? Историческая память подвижна, даже динамична, и, как отмечает В.А. Шнирельман, «в значительной мере именно социальная практика определяет облик прошлого, разделяемый массами в качестве важнейшей основы своей социальной или этнической идентичности» [Шнирельман, 2018, с. 13].

Еще более сложно формирование исторического мифа в биэтнических группах населения, особенно если «материнские государства» обеих частей таких биэтнических групп пребывают в открытом вооруженном конфликте, а оценка исторического прошлого социумами двух стран диаметрально различается. Безусловно, наиболее интересным в данной связи объектом изучения исторических нарративов в России являются русско-украинские биэтноры¹.

Можно с большой долей уверенности предположить, что количественно русско-украинская биэтническая группа является крупнейшей по численности в России, прежде всего в силу многочисленности русско-украинских браков, при огромном вкладе украинцев в заселение обширных пространств России в XVII–XX вв. Количественно я оцениваю число россиян с частично украинской этничностью в 3–10 млн человек².

¹ Термин «биэтноры» был предложен украинским социологом В.Е. Хмелько для обозначения лиц, идентифицирующих себя в той или иной степени с двумя этническими группами [Хмелько, 2004].

² Данная оценка базируется на результатах социологического исследования «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» (методология проведения которого описана ниже), согласно которому накануне переписи 2021 г. большинство русско-украинских биэтноров (61 %) собирались записаться «только русскими», 17 % – только украинцами, 13 % – планировали указать обе национальности, по 4 % – собирались указать этничность «хохол» и не участвовать в переписи вообще. То есть большинство представителей русско-украинского биэтнического сообщества в результатах переписи 2021 г. не будет отображено полноценно, что обусловлено низким качеством информационной работы накануне и в ходе переписи (о возможности указания двойной национальности подавляющее число россиян не знали) и в целом низким качеством ее проведения [Бубликов, Ткачев, 2022].

«Войны исторической памяти» между Россией и Украиной в 2000-е и 2010-е гг. становились предметом научных исследований в России [Николаев, 2020], в Украине [Журженко, 2011] и даже в третьих странах [Меньковский и др., 2021]. Однако восприятие российского или украинского исторических нарративов биэтническими жителями обоих государств — это практически неизученная сфера.

В 2020 г. по данным качественного социологического исследования автором была опубликована статья о восприятии истории России и Украины россиянами с двойной этничностью. В ней было показано, что русско-украинские биэтноры существенно лучше осведомлены об исторических персонах из истории России, нежели Украины. Историю России олицетворяют прежде всего военно-политические деятели, а представители культурной элиты занимают периферийное место. История Украины, напротив, в примерно равной степени ассоциируется как с политиками и военачальниками, так и с деятелями культуры. Такое восприятие истории двух стран находит отображение и в идентичности биэтноров: русская часть этничности связывается ими прежде всего с государством и теми эмоциями, которые олицетворяет государство (гордость за страну, патриотизм и т.п.); украинскость, напротив, чаще описывается более интимными (семейными, частными) эмоциями, т.е. отражаемыми именно культурной элитой [Бубликов, 2020, с. 49].

Однако вопрос количественных распределений в восприятии исторического прошлого оставался открытым. Также представлялось крайне важным проследить взаимозависимости в оценке истории и современных взаимоотношений России и Украины.

Соответственно, целью данной статьи является выявление исторических представлений русско-украинских биэтноров в России в дихотомии официальных исторических нарративов двух стран — России и Украины, в условиях конфронтации двух государств в 2014–2021 гг. (по данным исследования 2021 г.).

Исследование русско-украинских биэтноров проводилось коллективом ученых в нескольких регионах России, отобранных таким образом, чтобы репрезентовать исследуемую этническую группу, проживающую в разных географических частях страны: два региона — в европейской части России, пограничные с Украиной (Белгородская и Воронежская обл.), два региона — в Западной Сибири (Омская обл. и Алтайский край) и один — на Дальнем Востоке (Приморский край). Выбор указанных регионов был обусловлен также наличием в них большой доли населения украинского происхождения (а, соответственно, как мы и предполагали, биэтноров), наличием по данным прошлых переписей населения районов компактного проживания украинцев.

Методом проведения социологического исследования стало анкетирование, предлагаемое респонденту после предварительной беседы и получения от него подтверждения, что он является биэтнором, т.е. может в той или иной степени отнести

себя одновременно и к русским, и к украинцам¹. Летом 2021 г. нами были опрошены 800 респондентов с русско-украинской идентичностью (по 160 респондентов в каждом из 5 регионов). Внутри регионов выборка делилась в равном соотношении: половина респондентов опрашивалась в районах компактного проживания («бывшие» украинские районы, сельская местность и малые города), вторая половина – в крупных городах, где биэтноры проживают дисперсно, среди численно преобладающего «только русского» населения².

Анкета состояла из 59 вопросов, один из которых касался узнаваемости и оценки пяти исторических личностей (рис. 1), оказавших ключевое влияние на историю России и Украины в XVII–XX вв. – личностей, диаметрально противоположно воспринимаемых мейнстримными современными историками обеих стран. Так, в России роль Екатерины II и И. Сталина преподносится в последние два десятилетия как в целом положительная, а И. Мазепы и С. Бандеры – как однозначно отрицательная (впрочем, как и во все иные периоды российской/советской историографии).

51. Ниже перечислены некоторые исторические личности из истории России и Украины. Отметьте знаете ли Вы их и как их оцениваете? в каждой строке укажите два ответа

Личность	знаете, кто это:			как оцениваете:		
	да, знаю	слышал это имя, но не знаю подробностей	нет, не знаю	считаю в целом положительной личностью	считаю неоднозначной личностью (было и хорошее, и плохое)	считаю в целом отрицательной личностью
Богдан Хмельницкий						
Иван Мазепа						
Екатерина Вторая						
Иосиф Сталин						
Степан Бандера						

Рис. 1. Формулировка и дизайн вопроса в анкете о ключевых (контroversийных) личностях из истории России и Украины.

В Украине наоборот – И. Мазепа и С. Бандера большинством современных историков воспринимаются как национальные герои, а Екатерина II и Сталин – как персонажи из числа наиболее отрицательных для украинского народа. Екатерина II – как губительница автономии Гетманщины, закрепостившая украинских крестьян, а Сталин – как главный виновник Голодомора, репрессий и сворачивания весьма условного федерализма по-ленински в жестко унитарную, централистскую диктатуру.

¹ Допускалось также участие респондентов, имеющих третью и последующие компоненты этничности, а также идентифицирующих себя с этнонимом «хохлы» – при условии, что этот этноним воспринимается ими как соотносящийся и с русской, и с украинской этничностью, т.е. как своего рода самоназвание этой этногруппы.

² Соответственно это: в Белгородской обл. – Краснояружский р-н и г. Белгород; в Воронежской обл. – Россошанский р-н и г. Воронеж; в Омской обл. – Павлоградский р-н и г. Омск; в Алтайском крае – Романовский р-н и г. Барнаул; в Приморском крае – Хорольский р-н и г. Владивосток.

Б. Хмельницкий – пожалуй, единственный из предложенных нашим респондентам исторический персонаж, воспринимаемый в обеих странах как положительный герой. Однако оценка его положительного вклада в двух странах также диаметрально противоположная: большинством российских историков (вслед за советской историографией) он преподносится как деятель, «воссоединивший Украину с Россией», а в Украине – как «руководитель национально-освободительного движения и основатель Украинского казачьего государства».

Результаты опроса показывают, что в подавляющем большинстве русско-украинские биэтноры в России находятся в рамках дискурса российской историографии. Во-первых, уровень узнаваемости украинских исторических деятелей (Б. Хмельницкого, И. Мазепы, С. Бандеры) среди них значительно ниже, чем российских (советских) Екатерины II и Сталина. Так, вариант ответа «да, знаю» [кто это] указали: 97% опрошенных о Сталине, 94% – о Екатерине II, 77% – о Бандере, 74% – о Хмельницком и 55% – о Мазепе (рис. 2).

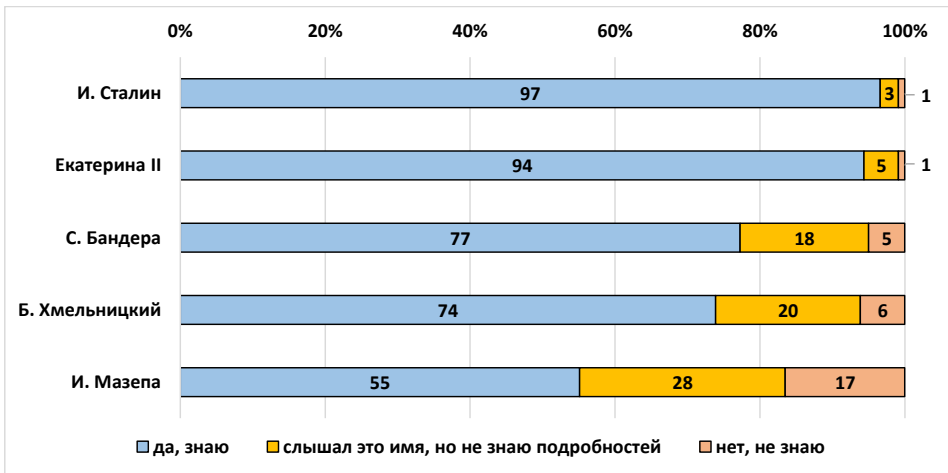

Рис. 2. Уровень узнаваемости ключевых фигур истории России и Украины русско-украинскими биэтнорами в России, опрос 2021 г., %.

Также необходимо подчеркнуть, что респонденты сами оценивали уровень своих познаний о предложенных исторических персоналиях, и по опыту общения с ними можно констатировать, что у большинства они сводятся к маркированным клише вроде: «Мазепа – предатель», «Бандера – пособник нацистов» и т.д. Более-менее детальным знанием исторической фактуры, особенно относительно украинских исторических деятелей, обладает незначительная доля респондентов [Бубликов, 2020].

Во-вторых, оценки исторических персонажей в подавляющем большинстве укладываются в канву российской, или даже скорее советской, историографии. Так, наиболее позитивно воспринимается русско-украинскими биэтнорами фигура Б. Хмельницкого:

52% называют его положительной личностью и лишь 1% – отрицательной (еще 25% – неоднозначной) (см. рис. 3). Этот результат неудивителен, так как все историографии (советская, российская и украинская) позиционируют его как положительного героя, только по-разному оценивая его положительный вклад, о чем я уже упоминал выше.

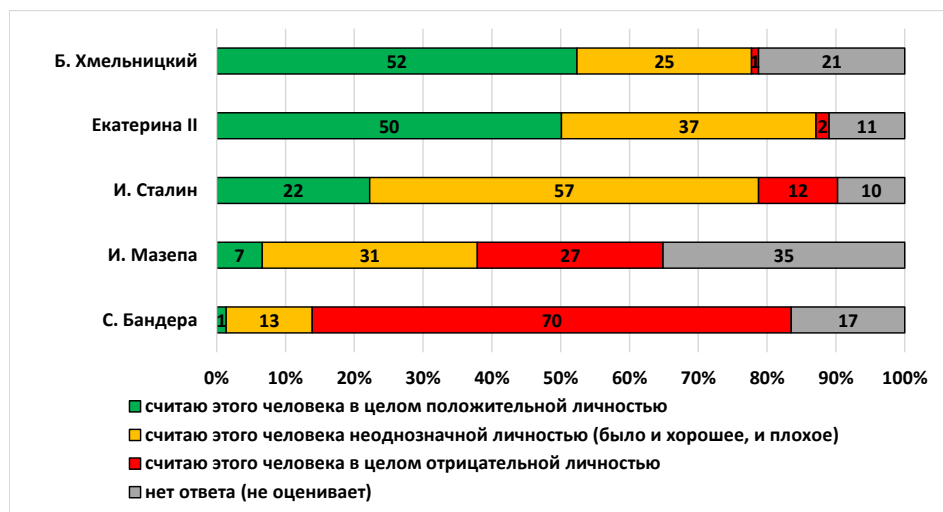

Рис 3. Оценка ключевых личностей истории России и Украины русско-украинскими бизэнторами в России, опрос 2021 г., %.

В целом положительно воспринимается русско-украинскими бизэнторами в России и фигура Екатерины II: 50% оценивают ее роль положительно, лишь 2% – отрицательно и 37% – неоднозначно. Причем те респонденты, которые воспринимают ее историческую роль как негативную или неоднозначную, скорее говорят об отрицательных аспектах деятельности Екатерины II не как о специфически украинских (свертывание казачьих автономных прав и т.п.), а скорее общероссийских, заложенных еще в советское время (негативное отношение к царям/царицам как таковым, представление о ее компрометирующих связях с приближенными и т.п.).

Наиболее противоречивой исторической фигурой для русско-украинских бизэнторов в России является И. Сталин: 22% оценивает его роль положительно, 57% – неоднозначно и 12% – отрицательно (рис. 3). Но опять же, набор суждений о Сталине скорее повторяет российский нарратив дискуссий о нем: в качестве заслуг называется его роль победителя в Великой отечественной войне, а в качестве отрицательных деяний – скорее общие для СССР репрессии, а не специфически украинский опыт (роль Сталина в голоде 1932–1933 гг., депортации и репрессии против украинской национальной интеллигенции и т.д.).

И. Мазепа, как фигура, наименее узнаваемая из предложенных нами респондентам, был оценен разнопланово: 7% назвали его положительной личностью (впрочем,

исходя из общения с опрашиваемыми я предполагаю, что многие из этих респондентов просто не могли вспомнить, кто же такой Мазепа, и поставили положительную оценку «интуитивно»), 31 % – неоднозначной и 27 % – отрицательной (еще 35 % вообще не стали оценивать).

Наконец, наиболее отрицательно воспринимаемый исторический персонаж – это С. Бандера: 70 % – воспринимают его негативно, 13 % – неоднозначно и лишь 1,4 % – положительно (рис. 3). Судя по комментариям наших респондентов и по интервью, проведенным нами в тех же районах за год до анкетирования, мы можем констатировать, что у подавляющего числа респондентов образ Бандеры был сформирован даже не в советское время, где его фигуре не уделялось много внимания, а в период после 2013 г. – российскими СМИ, в которых он преподносится как «пособник нацистов».

Таким образом, узнаваемость и структура оценок ключевых персонажей истории Украины и России в целом повторяет российский (советский) исторический нарратив. Лишь около 10–15 % русско-украинских бизнотворов в России высказывают оценки, более близкие к украинскому историческому нарративу (в данном случае я ориентируюсь на цифру 14 % воспринимающих фигуру Бандеры как неоднозначную или положительную и 12 % – воспринимающих Сталина отрицательно).

Рассмотрим теперь социально-демографическую структуру двух полярных групп мнений среди русско-украинских бизнотворов: тех, кто положительно воспринимает фигуру И. Сталина (это соответственно 22 % от общей массы опрошенных) и С. Бандеры (1,4 % от общей выборки). Другими словами, в данном аспекте нас интересует «портрет» среднестатистического бизнотвора, воспринимающего положительно две антагонистические исторические фигуры – Сталина и Бандеру.

Оба исторических деятеля воспринимаются положительно в большей степени мужчинами. Так, если среди всей массы опрошенных мужчины составили 40 % респондентов, то среди сторонников Сталина мужчин 49 %, а Бандеры – 64 %. А вот в возрастных группах распределение диаметрально противоположное: сторонники Сталина – это прежде всего представители старшего поколения (42 % из них старше 60 лет; 34 % – в возрасте 35–59 лет; 24 % – в возрасте 18–34 года), а сторонники Бандеры – прежде всего молодежь – 55 % (36 % – в среднем возрасте, 9 % – старшем). Подчеркну, что эти цифры не следует воспринимать как некую поддержку «украинского национализма» молодежью, ведь речь идет о «портрете» людей, считающих Бандеру положительной персоной. Среди общей массы молодежи число респондентов, положительно оценивающих Сталина, в семь раз выше, чем Бандеру (18 % и 2,5 %, соответственно).

По уровню образования различия в оценках двух фигур не столь велики, и они скорее определяются межпоколенческими диспропорциями в уровне достигнутого образования, т.е. большей долей лиц с высшим образованием среди молодежи в сравнении с более старшими поколениями. Так, среди лиц, положительно

воспринимающих С. Бандеру, 55% имеют высшее образование (36% – среднее профессиональное, 9% – среднее), а среди сторонников И. Сталина – 47% с высшим образованием (36% имеют среднее профессиональное, 15% – среднее, 2% – начальное).

В ходе исследования нас также интересовала оценка русско-украинскими бизнэторами в России современного (на 2021 г.) кризисного состояния российско-украинских межгосударственных отношений и взаимозависимости в оценке исторических фигур и их позиций в российско-украинском конфликте с 2014 по 2021 гг. Респондентам был задан полузакрытый вопрос: «В результате событий 2014 г. отношения России и Украины значительно ухудшились. Как Вы считаете, кто виноват в ухудшении отношений?», с вариантами ответа: оба государства, Украина, Россия, западные страны и затрудняюсь ответить. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа, кроме взаимоисключающих¹, и указать свой вариант (рис. 4).

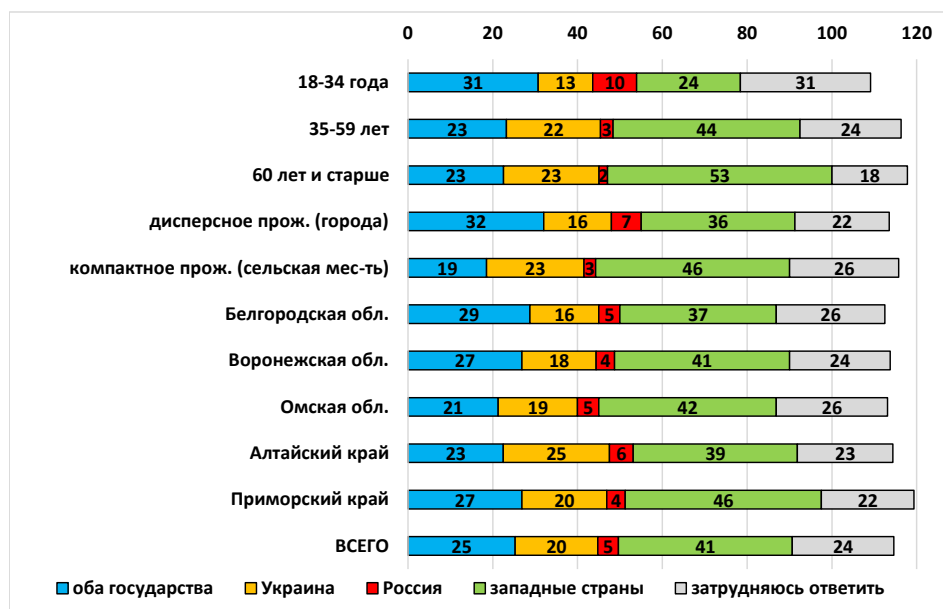

Рис. 4. Ответы русско-украинских бизнэторов в России на вопрос: «В результате событий 2014 г. отношения России и Украины значительно ухудшились. Как Вы считаете, кто виноват в ухудшении отношений?» в разных территориальных и возрастных подгруппах, опрос 2021 г., %.

¹ Например, если респондент выбирал вариант «оба государства» и вариант «Украина» или «Россия», то при подсчете результатов мы учитывали только ответ «оба государства», т.к. первый вариант уже предполагал одновременный выбор второго и третьего. То есть если респондент возлагает ответственность за конфликт на Россию или Украину, то такой ответ исключает возможность указания обоих государств в качестве ответственных за конфликт между странами, но допускает указание и западных стран.

Как видим из распределения ответов, представленных на рис. 4, среди русско-украинских бизнотворов в России в 2021 г. преобладало мнение об ответственности западных стран за конфликт между Россией и Украиной (41 % опрошенных); 25 % называют ответственными за конфликт оба государства, почти 20 % обвиняют Украину и 5 % – Россию. Примечательно, что среди респондентов очень велика доля неопределившихся – их почти четверть (24 %), причем, по нашим наблюдениям, в это число входят не только действительно затруднившиеся ответить на вопрос, но и те, кто побоялся дать общественно/государственно неодобряемый вариант (Россия).

Среди территориальных и демографических подгрупп бизнотворов наибольшие различия наблюдаются в межпоколенческом распределении ответов. Так, молодежь гораздо чаще склонна назвать ответственными за конфликт между странами оба государства – 31 % (среди более старших поколений таковых 23 %) и Россию – 10 % (среди поколения 60+ таковых всего 2 %); напротив, реже молодежь возлагает ответственность на западные страны – 25 % (старшее поколение – 53 %) и Украину – 13 % (старше 60 лет – 23 %). Затруднились (или не захотели) выразить свою позицию – 31 % молодых респондентов (среди старшего поколения – 18 %) (рис. 4).

Также чаще проукраинскую позицию выражают жители городов в сравнение с сельской местностью (хотя и в данном случае эта разница в значительной степени определяется большей долей молодежи в составе опрошенных в городах, нежели в сельской местности). Межрегиональные различия в оценке событий последнего десятилетия не очень велики, и главная тенденция в них – это увеличение доли обвиняющих в конфликте Украину с удалением от ее территории вглубь России: в Белгородской обл. это 16 %, в Воронежской – 18 %, в Омской обл. – 19 %, в Алтайском крае – 25 %, в Приморском крае – 20 %. По всей видимости, такое распределение обусловлено тем, что в регионах, граничащих с Украиной, бóльшая доля респондентов основывает оценку причин конфликта прежде всего на личном опыте взаимодействия с жителями Украины.

Рассмотрим теперь взаимозависимости оценки бизнотворами конфликта в отношениях России и Украины в 2014–2021 гг. и их представлений о роли ключевых личностей из истории двух народов (рис. 5). Во всех группах респондентов, давших положительную оценку исторических персонажей, наиболее популярным ответом о виновнике конфликта между Россией и Украиной является вариант «западные страны» (от 46 % среди тех, кто поддерживает деятельность Сталина, Хмельницкого и Екатерины II до 36 % среди тех, кто поддерживает Бандеру и Мазепу). Лишь среди бизнотворов, положительно воспринимающих С. Бандеру, число тех, кто обвиняет в конфликте западные страны, равно числу тех, кто обвиняет Россию (по 36 %).

Среди респондентов, положительно оценивающих остальные исторические персоны, доля называющих виновницей конфликта Россию многократно ниже: 11 % – среди тех, кто одобряет Мазепу, 4 % – Екатерину II, 3 % – Хмельницкого и 2 % – Сталина.

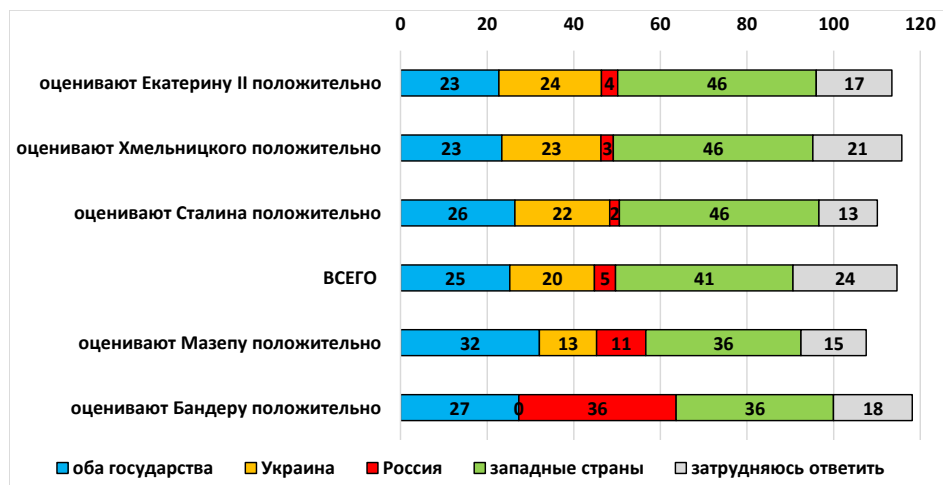

Рис. 5. Сопоставление ответов русско-украинских бизнтеров в России на вопрос о виновнике(ах) в ухудшении отношений России и Украины в 2014–2021 гг. и положительной оценки различных исторических личностей (опрос 2021 г.), %¹.

Среди обвиняющих Украину обратная зависимость: наибольшее число среди сторонников Екатерины II – 24%, Хмельницкого – 23% и Сталина – 22%, значительно меньше среди положительно оценивающих Мазепу – 13%, и нет таких респондентов среди поддерживающих Бандеру (впрочем, и само число этих респондентов очень мало – 11 человек из 800).

В этих данных обращает на себя внимание высокая доля пророссийских взглядов среди лиц, одобряющих деятельность Б. Хмельницкого, что подтверждает высказанное выше предположение, что подавляющее большинство респондентов оценивает его положительную роль в истории с позиций российской историографии – как «воссоединителя Украины с Россией».

Примечательно также, что среди сторонников Екатерины II, Сталина и Хмельницкого относительно невысока (по сравнению с тем, чего можно было бы ожидать) доля лиц, обвиняющих в конфликте Украину (22–24%). По всей видимости, это объясняется отказом их поклонниками в субъектности Украины как таковой: для них главный виновник конфликта – Запад. Наконец, удивляет выявленная среди сторонников Мазепы и Бандеры высокая доля антизападных настроений, а также выбора позиции об ответственности обоих государств.

Эти несколько нелогичные данные хорошо объясняет В.А. Шнирельман: «член какого-либо меньшинства является носителем памяти, свойственной его собственной

¹ Строка «Всего» на диаграмме показывает распределение ответов по всей совокупности респондентов (n = 800), а не среднюю по всем оценивающим названные исторические фигуры как положительные.

группе (этнической, религиозной и пр.). В то же время под влиянием мощной индоктринации, идущей со стороны как государства (школа, СМИ и пр.), так и доминирующего большинства, он не свободен и от этого вида памяти. Мало того, так как современный человек может одновременно быть членом нескольких разных групп, то он способен быть носителем сразу нескольких видов памяти. Хотя они могут противоречить друг другу, это вовсе не означает, что в таком случае человек обязательно отвергает один образ прошлого и строго придерживается другого. Иной раз они самым парадоксальным образом уживаются друг с другом <...> Как индивид способен справляться с такого рода противоречиями – это интересное и до сих пор слабо изученное явление, имеющее прямое отношение к иррациональной стороне нашего сознания» [Шнирельман 2018, с. 26–27]. Но это уже скорее предмет исследования этнопсихологов.

Подводя итоги рассмотрению представлений русско-украинских биэтноров в России об истории и современных отношениях между Россией и Украиной, можно сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство респондентов имеет представления о положительном или отрицательном характере ключевых исторических персонажей двух стран, согласующиеся с современным российским историческим нарративом. Так, наиболее «узнаваемыми» личностями являются Сталин и Екатерина II, в то время как о деятельности украинских персоналий респонденты осведомлены значительно меньше. Самым положительным персонажем биэтноры назвали Б. Хмельницкого, поскольку его считают героем и российские, и украинские историки, хотя и за разные «заслуги». Фигура И. Сталина является наиболее противоречивой – большинство оценивает его неоднозначно, а также ощутимо число его сторонников и противников. Наиболее отрицательно воспринимается биэтнорами С. Бандера, хотя глубина их представлений о нем крайне невелика.
2. Исходя из доли биэтноров, оценивающих фигуру Бандеры неоднозначно или положительно (как и в современной украинской историографии), можно оценить долю опрошенных с проукраинскими взглядами на историю в 14% (также в этом смысле можно ориентироваться на долю респондентов, негативно оценивающих Сталина, – 12%). При этом доля биэтноров с проукраинским взглядом существенно выше среди молодежи – 20% (средний возраст – 14%, старший – 8%) и жителей крупных городов – 16% (в сельской местности – 12%).
3. Отвечая на вопрос об ответственности за ухудшение российско-украинских межгосударственных отношений в период 2014–2021 гг., большинство респондентов таковыми называет страны Запада (41%), 25% обвиняют оба государства, 20% – Украину, Россию – всего 5%. Велика и доля затруднившихся ответить, куда, как я предполагаю, вошло и существенное число тех, кто побоялся дать социально неодобряемый вариант (Россию). Наибольшие различия в оценке политической ситуации последнего десятилетия наблюдаются

среди поколений бизтноров, а не их территориальных или иных подгрупп. Так, молодежь значительно более скептически к официальной российской политике в отношении Украины, чем люди среднего и старшего возраста.

4. Оценка респондентами исторических личностей в основном коррелирует с их политическими взглядами на российско-украинский конфликт, но не столь однозначно, как можно было бы предполагать. Так, среди респондентов, положительно оценивающих историческую роль Сталина, Екатерины II и Хмельницкого, хотя и преобладают антизападные настроения, но существенно и число лиц, обвиняющих в конфликте обе стороны (примерно четверть). А среди лиц, считающих положительными личностями Мазепу и Бандеру – еще выше доля обвиняющих в кризисе страны Запада (более 1/3) и обе страны (около 1/3).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бубликов В.В. Идентичность и представления об истории у бизтничного русско-украинского населения России // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 12(80). С. 49–53.
- Бубликов В.В., Ткачев А.А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–108.
- Журженко Т. «Чужа війна» чи «спільна Перемога»? Націоналізація пам'яті про Другу світову війну на україно-російському прикордонні // *Україна Модерна*. 2011. № 18. С. 100–126.
- Меньковский В.И., Шмигель М., Дубинко-Гуща Л. «Голодные игры»: голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021. № 4. С. 7–20.
- Николаев Н.Ю. Российско-украинская «война за историю» на «Радио Свобода» // *Новое прошлое*. 2020. № 1. С. 40–53.
- Протасеня Е.А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки*. 2016. № 2. С. 175–180.
- Тишков В.А. Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // *Историческая память и российская идентичность*. Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 5–11.
- Хмелько В. Лінгво-етнічна структура України: Регіональні особливості й тенденції змін за роки незалежності // *Наукові записки НаУКМА*. 2004. № 32. С. 3–15.
- Шнирельман В.А. Социальная память – вопросы теории // *Историческая память и российская идентичность*. Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.

REFERENCES

- Bublikov V.V. Identichnost' i predstavleniya ob istorii u bietnichnogo russko-ukrainskogo naseleniya Rossii [Identity and concepts of history of the biethnic Russian-Ukrainian population of Russia], in *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 2020. No. 12(80). Pp. 49–53 (in Russian).
- Bublikov V.V. Naselenie s mnozhestvennoj etnichnost'yu (nacional'nost'yu) i prognoz ego fiksacii v hode Vserossijskoj perepisi naseleniya 2021 g. [Population with multiple ethnicity and the forecast of its recording during population census of Russia 2021], in *Research Result. Sociology and Management*. 2022. Vol. 8. No. 1. Pp. 95–108 (in Russian).
- Zhurzhenko T. "CHuzha vijna" chi "spil'na Peremoga"? Nacionalizaciya pam'yati pro Drugu svitovu vijnu na ukraïno-rosijs'komu prikordonnii ["Common Victory" or "Not Our War"? The Nationalization of World War II Remembrance in the Ukrainian-Russian Borderlands], in *Ukraina Moderna*. 2011. No. 18. Pp. 100–126 (in Ukrainian).
- Menkouski V.I., Šmigel' M., Dubinka-Hushcha L. "Golodnye igry": golod 1932–1933 gg. v istoricheskoi politike Ukrainy i Rossii [The hunger games: famine 1932–1933 in the historical policy of Ukraine and Russia], in *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021. No. 4. Pp. 7–20 (in Russian).
- Nikolaev N.Yu. Rossijsko-ukrainskaya "vojna za istoriyu" na "Radio Svoboda" [Russian-Ukrainian "War for History" at "Radio Liberty"], in *The New Past*. 2020. No. 1. Pp. 40–53 (in Russian).
- Protaseniya E.A. Istoricheskaya pamyat' kak faktor formirovaniya etnicheskoi identichnosti [Historical memory as a factor of ethnic identity formation], in *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2016. No. 2. Pp. 175–180 (in Russian).
- Tishkov V.A. Mezhdisciplinarnyj vzglyad na istoricheskuyu pamyat' i identichnost' [An interdisciplinary view of historical memory and identity], in *Istoricheskaya pamyat' i rossijskaya identichnost'* [Historical memory and Russian identity]. Moscow: RAN. 2018. Pp. 5–11 (in Russian).
- Khmelko V. Lingvo-etnichna struktura Ukraïni: Regional'ni osoblivosti j tendencii zmin za roki nezalezhnosti [Linguistic and Ethnic Structure of Ukraine: Regional Peculiarities and Trends in the Years of Independence], in *Scientific Notes of NaUKMA*. 2004. No. 32. Pp. 3–15 (in Ukrainian).
- Shnirelman V.A. Social'naya pamyat' – voprosy teorii [Social memory – questions of theory], in *Istoricheskaya pamyat' i rossijskaya identichnost'* [Historical memory and Russian identity]. Moscow: RAN. 2018. Pp. 12–34 (in Russian).

Статья принята к публикации 10.10.2022